

Помощь детям, оказавшимся в трудной жизненной ситуации

Евгений Вежин

Продолжаем серию публикаций о негосударственных проектах по созданию учреждений для детей, находящихся в трудной жизненной ситуации. В уже опубликованной статье (Социальная педагогика. 2012. № 3) речь шла о первых шагах по созданию детского учреждения. В предлагаемой публикации автор подробно рассматривает проблемы, возникающие на первых этапах работы учреждения для детей этой категории.

- дети в трудной жизненной ситуации
- негосударственное детское учреждение
- взаимодействие с родственниками детей
- взаимодействие с государственными структурами ● защита прав и интересов ребёнка

Когда в учреждении появляются первые воспитанники, то многие вопросы, о которых я писал в предыдущей статье — идеологические, структурные, стратегические, сразу уходят на второй план. Даже педагогические задачи решаются в лучшем случае с трудом. Сотрудники учреждения, которые, пусть даже из самых лучших побуждений, попытаются с первых дней своей работы бросить все свои силы на то, что называется прямой воспитательной работой с воспитанниками для получения быстрого педагогического эффекта, скорее всего, обречены на неудачу. Но делать из первых неудач выводы об отсутствии перспектив этого учреждения, по меньшей мере, преждевременно. В любом вновь открытом детском учреждении должен быть и будет период хаоса и нестабильности. Однако, если через год после открытия учреждения воспитанники продолжают использовать ненормативную лексику в присутствии взрослых, кидаться хлебом в столовой, группами надолго исчезать из поля зрения воспитателей и иметь «неотложные» дела за пределами учреждения, «одолжительно», лениво и неряшливо вести быт, проявлять склонность к «дедовщине», срывать отбои и подьёмы, если к этому

ТЕХНОЛОГИЯ И ПРАКТИКА

времени документальная работа учреждения так и не наладилась и его сотрудники начинают (продолжают) «бегать» от прокуратуры и иных государственных органов, если имеет место кадровая чехарда и нет чёткой программы работы, в том числе педагогической, — вот тогда у учреждения есть все шансы за очень короткий срок превратиться в обыкновенное «болото». И тогда, скорее всего, необходимо немедленно сворачивать работу учреждения, разбираться в сложившейся ситуации и, наверное, начинать всё заново...

На первом этапе работы со своими воспитанниками сотрудники учреждения для детей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, в первую очередь сталкиваются с *организационными, хозяйственными, бытовыми, дисциплинарными и режимными вопросами*. Плановое, детальное, относительно успешное решение этих вопросов обязательно приведёт и к первым, пусть очень небольшим, педагогическим успехам. Конечно, все вопросы и ситуации в детском учреждении — это прежде всего вопросы педагогики, но часто пути решения этих вопросов могут внешне не иметь никакого отношения к, собственно, педагогике. И именно с такими «не имеющими отношения» путями сталкиваются сотрудники детского учреждения при работе со своими воспитанниками как на первом, так и на последующих этапах своей деятельности.

Пример. *«Не укради» — прекрасное правило. Но вот в учреждение пришли гости, и директор, за неимением уже места в своём кабинете, предложил некоторым из них оставить вещи, в канцелярии, дверь которой не закрывается. После встречи оказалось, что у этих «некоторых» гостей пропали кошельки.*

Ясно — воспитанники. Что, плохие воспитанники? Если учреждению уже лет пять — то да, плохие воспитанники и, кстати, сомнительное учреждение (если только вещи не украли недавно поступившие воспитанники). А если учреждению всего пару месяцев — что, тоже «плохие дети»? Нет. Глупые гости и плохой директор, сами виноваты, спровоцировали.

Вообще, требовать от детей сознательной морально-нравственной позиции, не создав при этом воспитывающей среды, при которой эта позиция станет для детей достаточно очевидным выбором — в лучшем случае педагогическая неопытность, а чаще всего высокомерие и бездарность.

Таких «организационно-технических» ситуаций в детском учреждении бесконечное множество. И чем дольше работает учреждение, чем больше различных функций оно выполняет, чем сложнее «статусы» поступающих в учреждение детей, тем сложнее и многообразнее эти ситуации.

Требовать от детей сознательной морально-нравственной позиции, не создав при этом воспитывающей среды, при которой эта позиция станет для детей достаточно очевидным выбором — в лучшем случае педагогическая неопытность, а чаще всего высокомерие и бездарность.

Е. Вежин. Помощь детям, оказавшимся в трудной жизненной ситуации

Случай из практики. *В учреждение приняли подростка — милый, обаятельный, вежливый такой... Дежурная смена не нарадуется, приёмные мероприятия идут быстро, весело и доверительно. А потом выяснилось, что он принёс с собой пакетик с анашой. Ночью и сам обкурился, и другого подростка угостил, да так, что обоих откачивать пришлось.*

Ужасный подросток? Монстра приняли? Как впоследствии оказалось — нет. Действительно хороший мальчишка. Растёт, похоже, неплохим человеком. Плохая — дежурная смена, принимавшая этого подростка в учреждение — не доглядела, доверила, попустила.

Случай из практики. *В учреждение в экстренном режиме, вечером, поступил ребёнок, малыш совсем... А учреждение только вчера открылось, опыта по приёму детей — никакого, а тут ещё пересменок. Все суетятся, бегают, жалеют малыша — какой бледный, вялый, видимо голодный, и сонный. Быстренько оформили, кое-как накормили (не ест почему-то...) и уложили спать. А ночью ребёнок проснулся, закричал и потерял сознание. Вызвали «скорую». «Да у него, похоже, внутреннее кровотечение». В больницу, а там как глянули!.. Немедленно в операционную, потом — реанимация, глительное лечение, спасли. Из выписки: разрыв селезенки, внутреннее кровотечение, перитонит, сотрясение мозга, трещины ребер, травма барабанной перепонки, признаки жестокого обращения. Ребёнка глительное время бил, как выяснилось в ходе судебного процесса, сожитель матери.*

Ребёнок потерял сознание через несколько часов после приёма в учреждение, а если бы через пару дней после приёма — с кровотечением-то?! А у врачей в больнице первая мысль: если ребёнок из учреждения, значит, всё это сделали с ним в стенах этого учреждения. Таким образом, неопытность, чтобы не сказать халатность, персонала детского учреждения (не забеспокоились по поводу бледности, вялости, плаксивости ребёнка, отсутствия аппетита, не провели тщательный медицинский осмотр ребёнка, не составили протокол осмотра, акт о приёме) могла привести не только к угрозе жизни ребёнка, но и подставить под удар само учреждение. Отсутствие ярко выраженных каких-либо реакций ребёнка при поступлении в учреждение — отнюдь не показатель его «удовлетворительного состояния», часто бывает как раз наоборот. Глубоко спрятанный страх, порой абсолютное недоверие к взрослым и ожидание злобной реакции с их стороны на любые его, детские, реакции могут быть последствиями посттравматического стресса. Сложнейшие переплетения компенсаторных и защитных реакций ребёнка, в том числе на ситуацию интернирования, инстинкт самосохранения и личностные особенности, огромные адаптационные ресурсы детского организма и, кроме того, иногда невероятное мужество и *терпеливость* детей, особенно маленьких, — всё это и многое другое даёт порой весьма необъективную картину их «общего состояния» при поступлении

ТЕХНОЛОГИЯ И ПРАКТИКА

в учреждение. Поэтому тщательная работа всех специалистов учреждения (врачей, психологов, педагогов, социальных работников, воспитателей) по комплексной диагностике первичного состояния поступившего ребёнка может и должна рассматриваться как одна из форм охраны жизни и здоровья, защиты прав и обеспечения законных интересов ребёнка.

Почти любое детское учреждение с первых же дней своей работы сталкивается с дополнительными факторами, усложняющими и без того сложные «организационно-технические» ситуации. Первый и, пожалуй, самый неоднозначный из этих факторов — родственники ребёнка. Приходится констатировать, что родственники воспитанников — явление очень часто враждебное как по отношению к ребёнку, так и по отношению к учреждению. К сожалению, «по пальцам можно пересчитать» случаи, когда родственники не то что помогали, а хотя бы просто не вредили ребёнку и учреждению. Причин для этого много: потеря родственниками какой-либо выгоды после устройства ребёнка в детское учреждение, споры по имуществу ребёнка, по опеке над ним, конфликты между родителями и прочее. Опыт показывает, что общение с родственниками ребёнка исключительно, что называется, по букве закона — это именно та позиция учреждения, которая не только отвечает интересам ребёнка, но и часто предотвращает опасные, а иногда и трагические для него ситуации.

Случай из практики. *Через неделю после устройства девочки в учреждение прибегает её тетя. «Племянницу-то я привела, а вчера глянула — у дочки-то моей часов нет! Золотые часы-то, ей отец на день рождения подарил. Мы с мужем её спрашиваем: «Где часы-то?». А она молчит, а потом сообразила: сестре, говорит, это племяннице-то моей, которую я привела к вам, отдала, вроде как поносить, представляете? Так вы нам эти часы верните, дорогие они, да и подарок отца всё-таки...» А воспитатель учреждения руками разводит — да нет никаких часов у девочки. «Как это нет? Ну-ка иди сюда, где часы, дрянь такая, где, спрашиваю? А вы мне тут, воспитатели, рот-то не затыкайте, не найдёте часы, платите будете, себе, небось, взяли! Я на вас найду управу!»*

И пошло-поехало. Несмотря на кажущуюся простоту ситуации, вариантов истины очень много:

- племянница украла часы, а дочка боится сказать правду по тем или иным причинам, поэтому говорит, что дала поносить;
- дочка потеряла или подарила, или продала часы, а всё свалила на сестру;

Тщательная работа всех специалистов учреждения (врачей, психологов, педагогов, социальных работников, воспитателей) по комплексной диагностике первичного состояния поступившего ребёнка может и должна рассматриваться как одна из форм охраны жизни и здоровья, защиты прав и обеспечения законных интересов ребёнка.

Е. Вежин. Помощь детям, оказавшимся в трудной жизненной ситуации

- дочка спрятала часы, а из мести сказала, что дала поносить;
- действительно дала поносить, а часы соскользнули с руки, пока племянница ехала в автобусе;
- в учреждении воспитанники украли, пригрозили, запугали, а может, и не только воспитанники;
- у тёти склероз — сама подарила;
- тётя — аферистка, подзаработать на компенсации захотела...

Можно сколько угодно разбираться в этой ситуации, но так и не узнать правду и, кроме того, принять, возможно, несправедливое решение. А ведь такие ситуации изначально должны решаться очень просто: поступает ребёнок в учреждение — *составьте акт о приёме ребёнка в учреждение, опишите вещи ребёнка (с описанием каждой вещи и каждого предмета, имеющих при нём)*. Если есть ценные вещи (однажды поступила девочка с огромным количеством акций компании), то составьте акт об их изъятии и о принятии на ответственное хранение. В случае необходимости — верните родственникам ценные вещи и также составьте об этом акт, да заставьте родственников и в некоторых случаях самого ребёнка подписать этот акт. Если есть опасные предметы при ребёнке — спиртное, наркотики, оружие (однажды поступил мальчик с топором), — составьте акт об изъятии и уничтожении. Одежда на ребёнке ветхая, не пригодная для использования — акт, уничтожаете одежду — акт. И дело не только в том, что, фиксируя все детали ситуации поступающего ребёнка, учреждение частично предотвращает возможные конфликты с родственниками, дело ещё и в том, что «фиксируя всё», учреждение получает первые данные о поступающем ребёнке, данные, которые впоследствии могут оказаться решающими в определении судьбы ребёнка: «Гражданка Иванова, вы утверждаете, что постоянно заботились о своём сыне. А вот у суда имеется материал, предоставленный детским учреждением, где находится ваш сын. Из этих материалов следует, что вашего сына доставили в детское учреждение зимой в летней одежде, в крайней стадии истощения, с запущенной чесоткой, с педикулёзом, в истлевшем нижнем бельё. Доставили из квартиры, вашей квартиры, гражданка Иванова, где вас не было около месяца, ребёнка кормили соседи, это подтверждается и документами из органов внутренних дел. Что вы можете на это ответить?».

Случаи из практики. *Ребёнок, принятый в учреждение, рассказывал директору, воспитателям, социальным работникам о том, какая хорошая у него бабушка, как она его любит, как он её любит, как он хочет, чтобы она пришла его навестить!.. Все сочувствовали, умилялись — бывает же такое! Конечно, надо найти эту бабушку, пусть встретятся. А бабушка-то возьми и сама приди в учреждение. Внук — на шею к бабушке, счастлив, плачет, бабушка рыдает, персонал собрался, все улыбаются, кто-то всхлипывает, ну полная идил-*

ТЕХНОЛОГИЯ И ПРАКТИКА

лия. «Спасибо вам за всё, добрые вы люди, хорошо у вас тут деткам-то! Можно мы с внучком погуляем полчасика по улице, Христа ради прошу!»

«Да о чём речь, конечно, будем рады!» А бабулька по старой памяти привезла ребёнка к себе домой, как всегда переодела его в старые лохмотья. Вымазала его грязью, сама переоделась, взяла костыли, и пошли они с внучком по привычному маршруту побираться по электричкам да милостыню просить Христа ради... Такая вот идиллия.

Органы опеки узнали — в крик: «Вы что, с ума сошли? Да мы эту бабку много лет знаем, она уже двоих внуков бомжами сделала, и до третьего добралась! Мы что, просто так ребёнка к вам устроили?!». Был большой скандал. А кто виноват? Да все. Органы опеки, не предоставившие детскому учреждению всю информацию о родственниках ребёнка; социальная служба учреждения, не запросившая эту информацию и допустившая общение бабушки с внуком без письменного разрешения органов опеки и не запросившая это разрешение при появлении бабушки в учреждении; директор учреждения, письменным распоряжением не запретивший какие бы то ни было «прогулки» воспитанников со своими внезапно объявившимися родственниками...

Что же касается внука в данной ситуации и вообще детей, бегущих из детских учреждений в свои подвалы, возвращающихся в свои коллекторы, в «свои сообщества», к своим зачастую преступным родственникам, к «хорошим добрым» старшим товарищам, к своим хозяевам и сутенерам, детей-одиночек, бегущих неизвестно куда и часто навсегда исчезающих неизвестно где, — это одна из самых неоднозначных и трагических «детских тем». Есть дети, бегущие из учреждения или отказывающиеся от учреждения, которые обязательно окажутся в нём снова. Некоторые из них будут действительно искренне бросаться на шею воспитателям и устанавливать с этими воспитателями внешне удивительно стойкие и в чём-то очень глубокие отношения, будут давать «хорошую медико-психолого-педагогическую динамику»... и будут также внезапно исчезать, разрушая всё: и отношения, и динамику, оставляя вопрос о своём следующем возвращении открытым.

Такие ситуации всегда болезненны и для учреждения, и для воспитателей, работавших с этими детьми. Горе неопытному воспитателю, если такой ребёнок примет его, единственного, в качестве друга и объекта любви, преданности, обожания и доверия! Горе ему, наивному, если он это принятие отнесёт в счёт своего педагогического таланта и исключительной значимости для этого ребёнка! И горе ему, уставшему, разуверившемуся и надменному, если он однажды решит однозначно и навсегда закрыть дверь за этим ребёнком... Однажды он рискует не открыть эту дверь в воистину необходимый для ребёнка момент. И тогда отголосок судьбы этого ребёнка станет

Е. Вежин. Помощь детям, оказавшимся в трудной жизненной ситуации

отголоском судьбы этого воспитателя. Да, в словах воспитателя «Хватит. Доколе?! Тебе были предоставлены все возможности, у тебя был выбор, у тебя был шанс. Ты его не использовал. Не увидел. Ты ничего не хочешь. Тебе ничего не нужно. Ты просто ленивый, лживый и распущенный эгоист. Всё бесполезно. Ты плохой, уходи, я не хочу тебя больше видеть» — действительно много и искренней печали, и правды, и даже справедливости.

И всё же только апеллировать к разуму этих детей, говорить с ними языком «шансов и выборов», обвинять их только в распущенности — в этом есть что-то очень немилосердное. Многие дети из этой категории, о которой идёт речь, «просто» глубоко больны. Больны физически, нравственно, духовно. У многих из них имеются психические нарушения, органические поражения, «низкие границы», «последствия». Многие в очень раннем возрасте познали спиртное, наркотики, секс (бабушка, о которой шла речь выше, побираясь со своими малолетними внуками, поила их вином и лекарствами, чтобы вид был пожалостливей), многие давно узнали вкус легких денег, научились выживать и приспособливаться. Все эти дети когда-то стали невинными жертвами обстоятельств и чужого выбора, жертвами физического и духовного растряпания. И для многих этих детей «разумный выбор» — это уже, и прежде всего, вопрос противостояния и борьбы со своим изломанным сознанием... Имеем ли мы право осуждать ребёнка, проигрывающего эту борьбу? Много ли среди нас, взрослых, тех, кто может похвастаться большими победами в собственной подобной борьбе? Что же касается «шанса» — конечно, он есть у каждого ребёнка, даже самого падшего. Но применительно к «отказывающимся, убегающим, уходящим и исчезающим» детям вероятность этого шанса приближается к вероятности чуда. И с каждым очередным возвращением такого ребёнка в учреждение, с каждым очередным внезапным контактом такого ребёнка с «выбранным» воспитателем, с каждым неожиданным телефонным звонком такого ребёнка эта вероятность всё же увеличивается. И организационно-правовые действия учреждения по защите своих воспитанников от антипедагогического, преступного, сомнительного и иного подобного влияния родственников, знакомых, друзей, лиц из ближайшего окружения также увеличивает вероятность этого шанса. Однако при этом учреждение должно всегда помнить, что иногда никакие действия и меры защиты не смогут спасти ребёнка от злобной воли ближайшего окружения.

Бывают и вовсе абсурдные, анекдотичные ситуации.

Случай из практики. *Полицейский патруль доставил в детское учреждение малыша, потерявшегося на улице (в полиции таких детей так и называют — «потеряшки»). Домашний, ухоженный, действительно, просто потерялся. В результате проведённых учреждением действий, предусмотренных законодательством в подобных случаях, довольно быстро родители ребёнка появились в учрежде-*

ТЕХНОЛОГИЯ И ПРАКТИКА

нии. Выполнив все необходимые правовые процедуры — удостоверив личность родителей, личность ребёнка, удостоверив степень родства и законного представительства, взяв у родителей заявление о возвращении им ребёнка, обеспечив даже объяснительную записку родителей и даже ходатайство органов опеки о возвращении ребёнка родителям, вложив всю эту документацию в личное дело ребёнка, учреждение вернуло ребёнка родителям. Образцовая ситуация. И вдруг во время очередной прокурорской проверки один из «проверяющих» прищуривает глаза и сурово так спрашивает: «А вы всё сделали правильно?». Сотрудники учреждения даже опешили: «Ну как же, вот ведь документы по розыску, вот заявление и объяснительная родителей, вот ходатайство органов опеки...»

*«Да, это вы молодцы, но вы действительно всё сделали правильно?»
«Да, вот ведь все...» «Ну, не знаю, не знаю...» И ведь так и ушёл не-
удовлетворённым, бедолага.*

И знаете, прошло много лет, и однажды я вдруг понял — а проверяющий-то был прав! Это был матёрый опытный чиновник, знающий и детскую проблематику, и «кухню» детских учреждений, знающий, что часто учреждения идут на любые ухищрения, лишь бы вернуть ребёнка в родную семью, не возиться с выяснением обстоятельств и подать это возвращение в самом выгодном свете. И за вопросом: а правильно ли...? стояли, по сути, другие вопросы, касающиеся интересов ребёнка: а ребёнок хотел вернуться к родителям? Не пьяные ли родители были при взятии ребёнка? Хотели ли вообще родители забирать этого ребёнка? И пусть подозрения этого чиновника в отношении описанного случая не имели оснований, в отношении других подобных случаев эти подозрения могли бы подтвердиться.

Можно сколько угодно смеяться над вопросом «правильно ли всё сделали?» и в следующий раз снова услышать подобный вопрос. А можно изначально попытаться предупредить многие вопросы. Приняли такого домашнего «потеряшку» в учреждение — в акте о приёме ребёнка отметьте, что на ребёнке полный комплект белья и одежды, что вся одежда чистая, по сезону. Видите, что ребёнок ухоженный, не запущенный, признаков голодания нет — отметьте это в акте; контактный, реакции адекватные — запишите. Плачет, зовёт родителей — обязательно зафиксируйте! Обязательно составьте сразу после приёма ребёнка его социальную карту с его слов, пусть ребёнок расскажет о родителях, о том, какая у него семья, какая квартира, где он спит, как гуляет, кто его водит в детский сад, в поликлинику и т.д. Понятно, что социальная карта «со слов ребёнка» не вполне объективный документ, но у домашних «потеряшек» всё гораздо проще и достовернее, чем у детей других категорий... Ребёнок маленький, ни заявлений, ни согласий не составит — тем не менее, проведите с ним «официальную» беседу на тему возвращения в семью, оформите эту беседу в форме протокола или акта, подтвердите, что ребёнок хочет вернуться к родителям.

Е. Вежин. Помощь детям, оказавшимся в трудной жизненной ситуации

Если нашли детский сад или поликлинику, в которые ходит ребёнок, раньше, чем нашли родителей, то не поленитесь, тактично свяжитесь с администрацией этих учреждений, запросите хотя бы по телефону информацию и о ребёнке, и о родителях, составьте акт о полученной информации. Пришли родители за ребёнком — помимо заявления и документов, подтверждающих личность, составьте акт о передаче ребёнка родителям. Укажите, что комиссией в составе директора, врача, воспитателя, социального работника, составлен акт о передаче несовершеннолетнего... его родителям... на основании заявления... ходатайства... При передаче возвращены вещи... Родители трезвые... ребёнок здоров... претензий у учреждения нет, у родителей претензий нет, ребёнок встретил родителей с радостью, ребёнок отчислен приказом №... Подписи комиссии, подписи родителей, печать. И вопросов у проверяющих будет меньше. Кроме того, родителям потерявшего ребёнка может какая-то инстанция бросить: «При живых-то родителях дитя в приюте!». И тогда скрупулёзность учреждения — это не только защита законных интересов ребёнка, но и защита родителей, случайно оказавшихся в подобной ситуации.

Надо сказать, что «пик» работы детских учреждений с детьми и подростками, нуждающимися в экстренном приёме (с детьми, убегающими от родителей, из других детских учреждений, с детьми из приютов, с улицы, с детьми-бродяжками, бомжами, с детьми, неоднократно доставляемыми в одно и то же учреждение, с «потеряшками» и т.п.), пришёлся примерно на 1995 — 1997 годы. Сегодня детей из этих категорий в учреждениях становится всё меньше. В новых негосударственных детских учреждениях таких детей почти нет. Это, разумеется, свидетельствует не только об улучшении социальной обстановки в стране. Я полагаю, что в какой-то степени — это весьма тревожная тенденция. Учреждения ни в правовом, ни в организационном, ни в концептуальном отношении не готовы, да и не очень хотят работать с такими детьми. Да и сами эти дети в силу собственных всё более усложняющихся проблем и обстоятельств стараются реже и реже появляться «на поверхности». Жаль, некоторые из этих «неудобных» для учреждения детей, при всём своём знании жизни, могли бы однажды оценить цену спасения как никто другой.

Ещё один сложный фактор, с которым честно работающее детское негосударственное учреждение столкнётся с первых же дней своей работы, — это *совместные с государством действия в отношении своих воспитанников*. Таких действий много: приём в учреждение детей-сирот по распоряжениям органов местной власти, приём по ходатайствам, направлениям, в некоторых случаях вопросы регистрации воспитанников по месту пребывания, совместные действия по определению правового статуса воспитанников учреждения, особые ситуации, требующие совместных действий, наконец, вопросы

ТЕХНОЛОГИЯ И ПРАКТИКА

дальнейшего устройства воспитанников. Дать характеристику всем возможным совместным действиям учреждения и государства в рамках данной публикации нереально. Необходимо сказать о другом: нежелание или неподготовленность детского учреждения к порой просто объективно необходимому взаимодействию с государственными структурами может иногда привести не только к вопросу о закрытии учреждения, но и к угрозе жизни и здоровью вверенных учреждению детей. Один из показателей неподготовленности к такому взаимодействию учреждения — отсутствие данных о воспитанниках, неумение эти данные обрабатывать и представлять в различных документальных формах. Учреждение иногда просто мало знает о своих воспитанниках. И при первом же сложном взаимодействии учреждения с «инстанциями» это становится очевидным. Для наглядности приведу только два примера — вызов сотрудников учреждения в суд в качестве свидетелей по вопросу о лишении родительских прав родителей ребёнка, находящегося в учреждении, и розыск внезапно исчезнувшего из учреждения ребёнка.

Иногда работник детского учреждения, стоящий перед судьёй, представляет собой жалкое зрелище!.. Судье иногда приходится просто «вытаскивать» у него показания всякими наводящими вопросами:

«Вы утверждаете, что мать ребёнка плохая. Поясните, что вы имеете в виду. Ваше учреждение не представило суду материалы, подтверждающие вашу позицию. Ну, хорошо... Какое состояние было у ребёнка при поступлении? А сейчас? Динамика есть? Какова была школьная ситуация ребёнка при поступлении? А сейчас? Значит, системное воспитание и отсутствие травмирующих факторов было необходимо ребёнку? Что говорят воспитатели? Психологи? Нужны характеристики. Мать ребёнка приходила в учреждение, заботилась о нём в учреждении? Приходила пьяная? Так что же вы молчите?! А что говорит ребёнок? А другие родственники приходили в учреждение? Вы продолжаете настаивать на необходимости лишения прав? Речь ведь идёт о судьбе ребёнка! И родителей, кстати. Предоставьте дополнительную информацию, на основании имеющейся мы не можем принять решение».

И решение откладывается. Это в лучшем случае. А если «за отсутствием доказательств» суд примет решение прямо в зале суда вернуть ребёнка в семью, и в семью преступную?! Я помню такой случай! И помню взгляд прокурора на свидетелей со стороны детского учреждения и его слова, сказанные им после заседания: «У вас были все возможности не допустить возвращения этого ребёнка к отцу. Ситуация-то очевидная! Он же его искалечит! И теперь это будет на вашей совести».

Нежелание или неподготовленность детского учреждения к порой просто объективно необходимому взаимодействию с государственными структурами может иногда привести не только к вопросу о закрытии учреждения, но и к угрозе жизни и здоровью вверенных учреждению детей.

Е. Вежин. Помощь детям, оказавшимся в трудной жизненной ситуации

Из практики. У девочки, длительное время воспитывающейся в детском учреждении, внезапно объявляется отец. Детали не важны, важно, что возвращать девочку отцу было нельзя. Это поняли судьи в ходе предварительных слушаний, это также была принципиальная позиция органов опеки, директора и социальной службы детского учреждения. И вдруг во время решающего заседания суда в зал врывается воспитатель этого детского учреждения, рвётся к трибуне и кричит: «Да вы что! Надо ребёнка отдать отцу! Он такой хороший, девочка так на него похожа! Давайте отдадим, устроим судьбу ребёнка!»

Девочку, конечно, отцу не отдали, но пришлось воевать. Чёткость и единство позиции всех специалистов — необходимое условие участия учреждения в судебных заседаниях. И вся документация учреждения по воспитанникам должна вестись таким образом, чтобы в любой момент она могла бы быть приобщена к материалам любого судебного заседания.

«Прошу объявить розыск несовершеннолетнего...» — одни из самых тяжёлых и трудных слов для детского учреждения, особенно недавно открывшегося. В данном случае я не имею в виду ситуацию очередного побега из учреждения явного «бегунка». Речь идёт о ситуации, когда из учреждения без видимых причин исчезает воспитанник (или воспитанница). Потом выясняется, что были конфликты «исчезнувшего» с воспитателями, были издевательства со стороны старших воспитанников, что многие воспитанники «давно знали, что он собирается в Калугу к бабушке», что учителя «давно что-то замечали», что психолог давно «тревожился», что «Сашка уже уходил на несколько часов на прошлой неделе!», что «подружился с каким-то дядей из соседнего дома», что «да, они часто крутились возле навороченной тачки, которая часто останавливается возле школы, «водила» там ещё такой, не хило прикинутый», что «к нему брат ходит, взрослый, а вы не знали?» и т.д. Это всё реальные случаи. Все знали...

Вообще, надо сказать, что сами по себе побеги воспитанников не всегда негативно характеризуют учреждение. Из хорошего учреждения могут сбежать сомнительные воспитанники. Так же, как и из плохого учреждения могут не убежать воспитанники по причине того, что сотрудники потакают их сомнительному поведению. Показательно другое. Из действительно хорошего учреждения сбежал воспитанник, но учреждение по разным причинам не выполнило все предусмотренные в подобных случаях действия, — всё, клеймо, шум, скандал... Из плохого учреждения сбежали воспитанники, но при этом сотрудники выполнили все предусмотренные процедуры, — все довольны... Справедливо? Полагаю, что в чём-то справедливо. *Выполнение учреждением всех норм, предусмотренных действующим законодательством, такая же необходимая форма защиты законных прав и интересов воспитанников, как и все остальные.* Ес-

ТЕХНОЛОГИЯ И ПРАКТИКА

ли собрать воедино все вопросы и претензии «инстанции» к учреждению, не выполнившего «предусмотренные процедуры», получить хорошее руководство к действию в случае побега.

«Почему после обнаружения побега немедленно не приступили к действию? Почему воспитатели сразу не погали директору учреждения докладную о побеге ребёнка и подробную объяснительную по обстоятельствам исчезновения? Почему не был составлен коллективный акт о побеге ребёнка? Почему не отправили телефонограмму в местное отделение полиции, в отделение полиции по месту прописки ребёнка, почему не уведомили местные органы опеки и органы опеки по месту прописки ребёнка? Вы связались с дежурным по городу? С приёмником-распределителем? Говорите, что отправили телефонограммы? Где журнал телефонограмм? Где запись и текст телефонограмм, кому отправили, когда, кто отправлял, кто принял? С больницами связались? С вокзалами? В школе были? С родственниками ребёнка связались? Детей опросили? Где акты о предпринятых действиях? Выезжали по местам возможного нахождения ребёнка? Где приказ директора учреждения о немедленном начале поиска? И главное, почему сразу после исчезновения ребёнка не обратились в местное отделение полиции с заявлением об объявлении розыска, не взяли справку о том, что заявление принято и розыск объявлен?»

Это, собственно, и есть примерный план действий. Но «объявление в розыск» — ситуация очень непредсказуемая. Долгое время я имел дело с одним, на мой взгляд, великолепным, отделением полиции, следователей и «оперов» которого до сих пор вспоминаю с теплотой и благодарностью... У меня были прекрасные отношения с сотрудниками, которые никогда не отказывали мне ни в одном из вопросов и всегда предельно честно работали по любой ситуации. Но каждый раз ситуация с розыском воспитанников развивалась по различным сценариям. Иногда она складывалась по схеме «директор учреждения — начальник отделения полиции», иногда следователи без личного присутствия директора учреждения отказывались вести беседу, иногда ни с кем, кроме социального работника, вообще не общались, иногда «брали в разработку» исключительно воспитателей и воспитанников. Иногда следователи, едва глянув на первые данные, немедленно поднимали на выезд оперативную группу, связывались со всеми дежурными патрулями, и опергруппа немедленно выезжала по местам «возможного пребывания» ребёнка. Иногда на такие немедленные выезды «опера» брали сотрудников детского учреждения, иногда следователи проводили долгие следственные действия по «месту совершения» — на территории детского учреждения. Были случаи, когда следователи до глубокой ночи «работали» с сотрудниками учреждения в отделении полиции... И знаете, почти всегда оказывалось, что сценарий был выбран полностью адекватный ситуации. В любом случае, детскому учрежде-

Е. Вежин. Помощь детям, оказавшимся в трудной жизненной ситуации

нию необходимо налаживать хорошие дружеские отношения с отделением полиции, на территории которого оно находится.

«У вас неправильно составлено заявление на розыск. Где прилагаемая документация к заявлению? Где распоряжение о направлении в ваше учреждение этого ребёнка? Предъявите ваш устав, где сказано, что вы являетесь законным представителем этого ребёнка. Где заявление родителей, это ведь домашний ребёнок. Этот ребёнок на опеке, где заявление опекуна и, кстати, копия распоряжения о назначении опеки? Почему не принесли личное дело ребёнка?»

Эти вопросы также могут служить руководством к действию. Однако все эти вопросы технические, решаемые. Неподготовленность сотрудников детского учреждения может обнаружиться в другом — в ответах на конкретные вопросы следователя об исчезнувшем ребёнке: *«Когда и кто последний раз видел ребёнка? В какой одежде он ушёл? Что мог взять с собой? При каких обстоятельствах ушёл? Были ли тревожные признаки? Куда мог направиться?»*

Следователю также понадобятся полные данные о родственниках, связях, лицах из ближайшего окружения, сведения о привычках, предпочтениях, склонностях ребёнка, особенностях личности и поведения, например, с кем дружит из воспитанников, из учеников, из воспитателей, какими навыками владеет, обладает ли криминальным опытом.

Сотрудники далеко не каждого детского учреждения смогут подробно ответить на эти вопросы! При этом надо иметь в виду, что эти вопросы задаёт следователь, который ведёт официальный протокол беседы и фиксирует все ответы. А многие работники детских учреждений теряются при одном виде бланка протокола. Но и это не самое страшное. Предположим, что заявление в розыск и все документы приняты, на вопросы «с грехом пополам» отвечено, что следователь уже принял решение о немедленном начале оперативно-розыскных мероприятий, а вы «застряли» на словесном портрете и на особых приметах исчезнувшего ребёнка. Если вы думаете, что словесный портрет — лёгкая задача, вы глубоко ошибаетесь! Сегодня, придя домой, попробуйте вспомнить хотя бы цвет глаз какого-нибудь самого тихого или недавно поступившего Славика из четвёртой группы! А теперь представьте, что вы в полиции, одни, ночью, напротив уставшего и голодного следователя, сидите и не можете вспомнить цвет глаз этого Славика, вечером исчезнувшего из учреждения! Потом эти голубые (надо же!) глаза будут вам сниться в ночных кошмарах. Словесный портрет — очень сложное понятие, включающее в себя все возможные приметы человека, недаром ориентировку в полиции называют «зубаткой».

Цвет волос, глаз, кожи, овал лица, форма подбородка, форма носа, описание основания носа, расположение углов глаз, бровей, губ, форма и расположение ушей, структура волос, расположение плеч, осо-

ТЕХНОЛОГИЯ И ПРАКТИКА

бенности зубов, особенности кистей рук, пальцев, ногтей, особенности телосложения, особенности пропорций тела.. Особые приметы — шрамы, родинки, татуировка, особенности голоса, речи, походки, особые движения, признаки перенесённых заболеваний — переломы, операции, травмы...

Все эти «пункты» входят в ориентировку, и по многим из этих пунктов будут задаваться вопросы в случае исчезновения ребёнка из детского учреждения. И часто учреждение не только не может ответить на эти вопросы, но и фотографию ребёнка с трудом находит, да и то старую, чёрно-белую, не в полный рост... Я полагаю, что придёт время и каждое детское учреждение обяжут иметь и фотографии воспитанников в личных делах, и особые фотографии (анфас, профиль, в рост, в 3/4 оборота), и записи в медицинских картах об особых «телесных» приметах, и готовые ориентировки на каждого воспитанника в личных делах. Время такое. Во всяком случае, иметь основные записи по приметам каждого воспитанника детские учреждения должны уже сейчас.

Однажды я где-то на «пятом часу допроса» не выдержал и спросил следователя: «А зачем? Смотрите, сколько примет я вам дал: и цвет глаз, и волос, и лицо описал хорошо, и про зубы вспомнил, и про улыбку, и веснушки...» Следователь, не поднимая головы от бумаг, ответил: «А если что — в морге без головы опознаешь?» И я заткнулся.

...Вы скажете, что я привожу примеры каких-то крайних, чрезвычайных ситуаций? Любая ситуация в детском учреждении без должного к ней внимания может превратиться в чрезвычайную.